

П. СГАЛЛ

ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫЙ ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

Необходимой предпосылкой для обоснованного описания обиходно-разговорной чешской нормы является предварительное выяснение подступов к этой теме на основе теоретической дискуссии. Последняя может также представлять известный интерес для тех, кто занимается вопросами взаимоотношения литературной и обиходно-разговорной нормы других языков. Мы бы хотели высказать в дискуссионном порядке и некоторые свои соображения. В первую очередь здесь надо выяснить вопрос о том, является ли обиходно-разговорный чешский язык по своей сущности диалектным образованием (это означало бы, что в процессе развития национального языка он будет обречен на угасание вместе с остальными наречиями) или же он входит в ядро национального языка, т. е. относится к тем его компонентам, которые в настоящее время прогрессивно развиваются и вытесняют диалекты.

Известно, что обиходно-разговорный чешский язык довольно значительно отличается от литературного чешского языка не только со стороны лексики и синтаксиса (подобные различия обычны и для других языков), но особенно со стороны фонетики и морфологии. Наиболее яркими и характерными особенностями обиходно-разговорного чешского языка являются: *í* на месте старого *é*, а также в соответствии с литературным *ě* (*víst, velkýho*); *ej* на месте старого *ý*, а отчасти и *í* (*přikřejt, velkejch, vozejk*); протетическое *v-* перед начальным *o-* (*vokno*); твор. падеж мн. числа на *-ma* (*rukama, strojema, lidma*); формы прошедшего времени типа *nes, upad* (без *-l*) и др. Подобные формы употребляют в обычном повседневном общении не только лица, не владеющие вполне литературной нормой, но и многие представители всех слоев населения Праги и большей части чешской языковой территории. К ним прибегают в различных высказываниях неофициального характера: в обычном разговоре (например, *To je krásný, soudružko. A mohla byste být tak hodná a připsat tam to datum?*), при рассказе, часто на собраниях, не имеющих официального характера или характера пленума (например, *Vona dělá jako externistka češtinu*); при аналогичных условиях — даже в специальных дискуссиях (например, *Je tam, že to považovali za nákej instrumentál predikativní*, или же *Von tam mluví vo základním významu slova, teda lexému*¹); время от времени при определенных обстоятельствах в театре, по радио, в литературе.

Вопрос о взаимоотношении между литературным чешским языком и языком обиходно-разговорным рано или поздно становится актуальным и для каждого чеха, который обращает внимание на форму выражения своих мыслей, и для иностранца, желающего научиться хорошо говорить по-чешски. Возможны ситуации, когда употребление литературной нормы производит впечатление искусственности и даже педантизма, в других же случаях формы обиходно-разговорного языка звучат слишком фамильярно; провести границу между двумя этими возможностями очень трудно. Уже эти предварительные замечания показывают,

¹ Примеры, взятые из речи преподавателей филологического факультета Карлова университета, собраны в феврале 1959 г.; они передаются в обычной чешской орфографии.

что разработка данного вопроса является одной из настоятельных задач богемистики.

Первый систематический разбор указанной проблематики принадлежит акад. Б. Гавранку², который охарактеризовал так называемый общенародный разговорный (в нашей терминологии — обиходно-разговорный) язык как интердиалект («obecná čeština»), т. е. как «народный язык... без узкого местного ограничения», который носителями наречий употребляется в качестве наддиалектной нормы, а носителями литературного языка — в качестве нормы нелитературной. Этот общенародный разговорный язык, как считает Б. Гавранек, занимает особое положение по сравнению с остальными, меньшими по объему интердиалектами (возникшими на основе моравских наречий); он получает все большее распространение на их территории. Иногда со стороны формы он бывает очень близок разговорной форме чешского литературного языка («hovorová čeština»), в которой находят свое применение и нелитературные элементы, несмотря на то, что ее носители вполне владеют «строгим» литературным языком³. Подобное же по существу определение дает в своих работах проф. Я. Белич, который, однако, подчеркивает региональную ограниченность общенародного разговорного чешского языка, его интердиалектный характер, рассматривая его, таким образом, на одном уровне с моравскими интердиалектами (ганацким, ляшским, моравско-словацким)⁴. В работах Я. Белича различается территориально ограниченный общенародный разговорный чешский язык (с формами типа *vokno, velkejch*) и вновь складывающийся общенародный разговорный язык «более высокого типа», который ближе чешскому литературному языку и является более приемлемым для носителей моравских наречий.

В целом можно сказать, что среди чешских богемистов до сих пор довольно распространенной является точка зрения, согласно которой не усматривается существенного различия между обиходно-разговорным (или общенародным) языком и диалектами⁵. Напротив, за рубежом, где этому вопросу уделяется довольно большое внимание, обиходно-разговорный чешский язык считают не диалектом, а разговорной формой чешского языка и т. п.⁶ А. Г. Широкова пишет, что «народно-разговор-

² B. Havránek, *Nářečí česká, «Československá vlastivěda», díl III, Praha, 1934, стр. 87; далее его же, K funkčnímu rozvrstvení spisovného jazyka, «Časopis pro moderní filologii», ročn. 28, číslo 4, 1942. О разговорной форме литературного языка ср.: B. Havránek, *Ukoly spisovného jazyka a jeho kultura*, сб. «Spisovná čeština a jazyková kultura», Praha, 1932; его же, *Vývoj spisovného jazyka českého, «Československá vlastivěda», řada II. Spisovný jazyk český a slovenský, Praha, 1936.**

³ В более новых работах Б. Гавранка дается несколько иное понимание взаимоотношения между так называемым общенародным разговорным чешским языком и разговорной формой чешского литературного языка (см.: B. Havránek, *Stalnovu práce o jazyce a jazyk literárního díla i překladu, Praha, 1951, стр. 45 — 46; его же, K historické dialektologii, SaS, ročn. XVI, číslo 3, 1955, стр. 156 — 159).*

⁴ Ср.: J. Bělič, *K otázce češtiny jako národního jazyka, SaS, ročn. XIII, číslo 2, 1952, стр. 85; его же, Sedm kapitol o češtině, Praha, 1955. Из новых работ см.: J. Bělič, *Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné, сб. «Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», Praha, 1958, стр. 59 — 71 и его же, K otázce obecné češtiny, «Studie ze slovanské jazykovědy», Praha, 1958, стр. 429 — 434.**

⁵ Диалектным образованием общенародный разговорный язык считает, например, акад. Ф. Травничек (ср. F. Trávníček, *Úvod do českého jazyka, 2-е vyd., Praha, 1952, стр. 44 и 59).*

⁶ В области морфологии основное значение имеет работа М. Вея (M. Vey) «Morphologie du tchèque parlé» (Paris, 1946). О взаимоотношении между литературным чешским языком и народно-разговорной чешской речью говорит А. Г. Широкова в статьях «К вопросу о различии между чешским литературным языком и народно-разговорной речью» (сб. «Славянская филология», под ред. С. Б. Бернштейна, вып. 2, М., 1954) и «Из истории развития литературного чешского языка» (ВЯ, 1955, № 4). Некоторые фонологические проблемы затрагиваются Г. Ручерой. См. H. Kučera, *Phonemic variations of spoken Czech, «Slavic Word» (Suppl. «Word», vol. XI, № 4), 1955; его же, Inquiry into coexistent phonemic systems in Slavic languages, s'Gravenhage, 1958.*

ная речь» составляет вместе с литературным языком «основу национального языка»⁷.

Различие точек зрения по данному вопросу, имеющему исключительно важное значение для языковой практики, с достаточной очевидностью указывает на то, что к выяснению этих вопросов можно прийти только на основании тщательного изучения конкретного материала. Однако изучение материала с необходимостью предполагает предварительную теоретическую разработку вопроса, без которой собранный материал не может быть надлежащим образом расклассифицирован и объективно оценен. Прежде всего здесь уместно обратиться к тем понятиям, которыми пользуются богемисты при решении указанных вопросов.

*

Итак, обратимся к содержанию понятий «национальный язык», «литературный язык», «диалект», «обиходно-разговорный язык». Все указанные языковые образования находятся в определенных взаимоотношениях и в состоянии развития. Существенной чертой возникновения и развития национальных языков является, как известно, постепенное сближение и слияние диалектов и вытеснение их из сферы общения во многом единой языковой нормой, которую мы называем ядром национального языка. Поэтому диалекты иногда вовсе не включают в состав национального языка; возможность же существования территориально не дифференцированного общеразговорного нелитературного языка во внимание не принимается. После опубликования работ И. В. Сталина по языкознанию некоторые лингвисты неправильно увидели в них (хотя о литературном языке там прямо не говорится) подтверждение той точки зрения, согласно которой понятия «национальный язык» и «литературный язык» совпадают⁸. В другом случае говорят о том, что только литературный язык является «языком в полном смысле слова национальным», диалекты же (вместе с литературным языком) являются компонентом «национального языка в широком смысле слова»⁹.

Отождествление понятий «национальный язык» и «литературный язык» у А. С. Чикобава неприемлемо уже потому, что слово «язык» в обоих этих терминах употребляется в различных значениях. Если мы говорим о языке определенного этнического целого (нации, народности, племени), т. е. о языке чешском, русском, древнеанглийском, о языке вершиков и т. д., мы употребляем это слово в ином значении, чем в термине «литературный язык». Ведь внутри одного и того же языка может быть несколько литературных языков (правда, в порядке исключения; например, в норвежском языке) или же литературный и нелитературный язык. Здесь не приходится уже говорить о целом ряде иных случаев употребления слова «язык» (язык той или иной группы людей или одного человека, язык определенной эпохи, поэтический язык и т. д.).

Лингвисты часто делали попытки терминологически разграничить эти разные значения. Поэтому литературный язык называют иногда одним из стилей языка, а иногда даже диалектом¹⁰.

Те авторы, которые хотя и включают диалекты в национальный язык, но «национальным языком в собственном смысле слова», т. е. ядром национального языка, считают только литературный язык (согласно традиционному пониманию этих вопросов), признают — для периода суще-

⁷ См. А. Г. Широкова, К вопросу о различии..., стр. 5.

⁸ См., например, А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. 1, 2-е изд., М., 1953, стр. 116.

⁹ См.: F. Trávníček, Úvod do českého jazyka, 2-e vyd., стр. 19 и сл.; его же, O jazykovém slohu, Praha, 1953, стр. 12; ср. также J. Bělič, K otázce češtiny..., стр. 83 и сл.; его же, Sedm kapitol..., стр. 16—21.

¹⁰ См. F. Trávníček, Úvod do českého jazyka, Brno, 1948, стр. 31.

ствования национальных языков — только два типа языковых образований: литературные языки и диалекты. Такое понимание иногда предполагает, что постепенное слияние диалектов в период возникновения и развития наций обусловлено прежде всего растущим значением литературного языка (см. указ. выше работы Ф. Травниčka). Однако роль литературного языка здесь явно переоценена. Известно, например, что объединение чешских диалектов (прежде всего в Чехии) происходило как раз в тот период, когда литературный чешский язык был очень слабым. Слияние диалектов в период возникновения и развития нации обусловлено прежде всего концентрацией всей жизни нации, в первую очередь концентрацией экономической и политической¹¹. Объединение и развитие культурной жизни, а также связанное с этим развитие литературного языка является одним из проявлений указанного процесса, которое, безусловно, имеет большое значение для образования национального языка и объединения диалектов. Значение литературного языка с течением времени постоянно возрастает. Школа, радио, кино, театр и ряд других культурных учреждений распространяют и устную форму литературного языка среди широких масс. Но несмотря на это даже и в настоящее время влияние литературного языка не является единственным определяющим фактором¹².

Для лучшего понимания вопроса о слиянии диалектов необходимо остановиться также на понятии «диалект». Характерной особенностью диалекта обычно считается ограниченность его коммуникативной функции, которая имеет двоякое проявление: 1) диалект служит в качестве средства взаимопонимания только части представителей народа (это так называемое территориальное ограничение), 2) диалект служит средством взаимопонимания только в областях повседневной жизни (скажем условно: функциональное ограничение). Напротив, коммуникативная функция национального языка (хотя и не всегда литературного, как обычно указывается) распространяется на всех представителей нации и на все области человеческой деятельности¹³.

Оба названных ограничения диалектов нельзя понимать абсолютно. В отношении функционального ограничения указанная формулировка действительна только в том случае, если считать диалекты составной частью национального языка, ибо в повседневной жизни некоторая часть представителей самых различных наций часто пользуется именно диалектами и, таким образом, диалекты частично выполняют функции национального языка. С другой стороны, территориальное ограничение наречий имеет различную степень. Иногда говорящие, являющиеся выходцами из различных областей, испытывают при разговоре значительные трудности; в других случаях различия сводятся всего лишь к незначительным незначительным фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям. Степень подобных различий, которая позволила бы языковые нормы различных областей считать особыми диалектами, установить было бы очень трудно.

Территориальное и функциональное ограничения не обязательно связаны между собой. Так, территориальное ограничение может выступать без ограничения функционального. В этом случае говорят, как правило, не о диалектах, а о двух формах одного и того же языка или о двух литературных нормах и т. п. Подобную ситуацию можно найти, например, в английском (с его английским и американским вариантами) или в нор-

¹¹ Ср.: К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., 2-е изд., т. 3, М., 1955, стр. 427; И. В. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, М., 1950, стр. 12.

¹² Ср. J. Bělič, *Sedm kapitol...*, стр. 87 — 101 и его же, *Kotázce obecné češtiny*.

¹³ Ср., например: F. Trávníček, *Úvod do českého jazyka*, 2-е vyd., стр. 50 и сл.; A. Kellner, *Úvod do dialektologie*, Praha, 1954, стр. 12.

вежском, где, однако, взаимоотношения между обоими литературными языками весьма сложные¹⁴. В случае, когда существует только функциональное ограничение без ограничения территориального, речь идет часто о двух различных языках, о противопоставлении бесписьменного языка письменному литературному (запский и грузинский, в прошлом также белорусский и русский и т. д.)¹⁵. Таким образом, более точно будет называть диалектом только такое образование, которое ограничено как в функциональном, так и в территориальном отношении. Именно в этом значении данный термин будет употребляться в дальнейшем изложении.

Процесс объединения национального языка не является механическим, односторонним отступлением диалектов перед каким-то другим языковым образованием. Здесь следует говорить об одновременной и взаимной нивелировке диалектов, при которой прежде всего сохраняются элементы, общие большей части диалектов. Взаимоотношение диалектов в данном случае обусловлено, кроме численности их носителей, факторами экономическими и политическими (диалекты важных центров распространяются за счет других диалектов), влиянием литературного языка и, наконец, внутренними языковыми факторами (быстрее распространяются элементы, являющиеся упрощением, а не усложнением строя языка). Следствием этих процессов является возникновение так называемых интердиалектов, к которым старые территориальные диалекты постепенно приближаются и которым они подчиняются.

Если считать влияние литературного языка единственно решающим фактором при слиянии диалектов, то может остаться без объяснения тот известный факт, что именно интердиалект экономического и культурного центра очень мало уступает влиянию литературного языка, хотя, казалось бы, литературный язык именно в таком центре должен был влиять наиболее интенсивно. Но если в процессе объединения национального языка видеть прежде всего объединение нормы повседневной разговорной речи, ни в какой мере не может удивить тот факт, что центральный интердиалект занимает при этом довольно прочную позицию, в то время как окраинные диалекты поддаются его влиянию, а также влиянию литературного языка. Следует также допустить, что при определенных условиях (когда влияние литературного языка по каким-либо причинам ослаблено) такой интердиалект может распространиться по всей языковой территории и стать общеразговорным, хотя и нелитературным языком¹⁶. Значит, нельзя согласиться с тем, что каждое нелитературное языковое образование в период существования национальных языков обязательно является диалектом. Ведь общеразговорный язык именно в период объединения национального языка подчиняет себе диалекты и распространяется за счет этих диалектов. Если мы хотим в этом процессе отличить то, что крепнет и развивается, от того, что отстывает и уходит, мы должны считать такой общеразговорный язык, если он даже отличается от литературного языка, частью ядра национального языка в отличие от исчезающих территориальных диалектов. Установить наличие нелитературной общеразговорной нормы в том или ином языке можно только в результате изучения конкретной ситуации в данном языке.

¹⁴ Ср.: М. И. Стеблин-Каменский, Образование норвежского национального языка, ВЯ, 1952, № 1; его же, История скандинавских языков, М., 1953, стр. 73—90; далее J. B. Michl, K problémům dvou spisovných jazyků v Norsku, «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», ročn. IV, číslo 3, řada A, 1955.

¹⁵ Дискуссия румынских языковедов (см. B. Cazacu, În jurul unei controverse lingvistice: limbă sau dialect?, «Studii și cercetări lingvistice», t. X, № 1, 1959) показывает, что вопрос о различии между диалектом и бесписьменным языком очень сложен. В случаях, когда в лингвистическом отношении обстановка не однозначна, решающими являются факторы нелингвистические.

¹⁶ О необходимости такого повседневного языка при определенных условиях говорит Б. Гавранек (см. его «K historické dialektologii», стр. 159).

*

Поскольку речь идет о чешском языке, ему не хватает как раз такого основательного исследования современного положения. Отдельные нормы чешского языка (литературная, обиходно-разговорная, диалектные) пока что часто характеризуются преимущественно ф у н к ц и о н а л ь н о, в зависимости от того, кем и при каких обстоятельствах они употребляются, а не путем определения их элементов; во всяком случае, из различий между функциональными и основывающимися на описании реального состава определениями не делаются нужные выводы. Литературный язык можно, конечно, определить путем непосредственного описания, как это делается в грамматиках и словарях, но и здесь нужно помнить о том, что норма литературного языка не совпадает точно с ее кодификацией. У нас имеются описания далеко не всех языковых образований¹⁷. Из функциональных определений, которые могут относиться к самым различным языкам, прямо никак не вытекает, что в чешском языке устанавливаемые таким образом функции выполняются различными языковыми нормами, и уж вовсе не следует, какими чертами эти нормы отличаются друг от друга. Даже тогда, когда, например, разговорная форма литературного языка определяется как «ненавязчивая правильная речь» без характерных признаков школьной речи, без вулгаризмов и без элементов явно диалектных¹⁸, или, короче, как «разговорная» (mluvná) форма литературного языка, даже и тогда о существовании явления говорится, собственно, не больше, чем в определении, базирующемся только на функциональной характеристике.

Мы не хотим отрицать значение определений подобного рода. Хотя они по своему характеру являются односторонними и не дают полной характеристики определяемых языковых образований, тем не менее многое в них находит свое отражение — в частности, например, мера богатства выразительных языковых средств. Однако все же приходится признать, что в настоящее время отсутствует систематическое описание различных норм чешского языка. Совершенно правильно указывают некоторые лингвисты на необходимость создания грамматики обиходно-разговорного чешского языка. Этот недостаток не устраняется названной работой М. Вея, которая хотя и написана с хорошим знанием чешского языка и с большим пониманием вопросов языковой культуры, однако основывается на материалах, собранных в 20-х годах, отчасти уже устаревших; кроме того, в центре внимания этой работы стоят только вопросы морфологии.

Что касается разговорной формы литературного языка, то до сих пор является спорным, вправе ли мы говорить о ней как об особом языковом образовании или здесь скорее идет речь о колебании между литературным чешским языком и обиходно-разговорным языком. Грамматическая структура разговорной формы литературного чешского языка не имеет, по-видимому, никаких отличительных черт, которые не были бы представлены в литературном или обиходно-разговорном языке. Г. Кучера в названной выше статье считает, что для фонологической системы здесь характерна определенная иерархия элементов литературных и обиходно-разговорных (например, употребление обиходно-разговорного *vo-*, по наблюдениям Кучеры, имеет место преимущественно в таких высказываниях, где употребляется также оби-

¹⁷ Некоторые наречия подробно описаны в диалектологических работах, обзор которых дает Я. Бедич в сб. «Československé přednášky...» («Stav a úkoly české dialektologie»); однако в этих работах чаще обнаруживается стремление зафиксировать более старое состояние данного диалекта, а не современную обстановку.

¹⁸ См.: B. Trnka, Čtení o jazyce a poesii, SaS, ročn. IX, číslo 1, 1943, стр. 38; F. Kopečný, Spisovný jazyk a jeho forma hovorová, «Naše řeč», ročn. XXXIII, číslo 1—2, 1949, стр. 17.

ходно-разговорное *í* в соответствии с литературным *é* и т. д.). Те лингвисты, которые стремятся не только установить наличие такой иерархии, но и констатировать, какие элементы относятся к разговорной форме литературного языка, а какие нет¹⁹, понимают, что здесь не может идти речь о единой норме и что их характеристика не охватывает разговорную речь всех активных носителей литературного языка; в обычном повседневном разговоре часто пользуются обиходно-разговорным языком, часто смешивают по-разному элементы литературного и обиходно-разговорного языка. До сих пор не установлено, какая часть говорящих действительно употребляет в обычном разговоре так называемую разговорную форму литературного языка в том виде, как она была охарактеризована различными авторами (показательно, что характеристика не одина, далее, от чего зависит выбор речи той или иной группы говорящих между последовательно проведенной литературной нормой, нормой с возможными отклонениями и нормой нелитературной. Поэтому преждевременно делать какие-либо выводы по данным вопросам.

Неустойчивость разговорной нормы, так же как и различие между литературным и обиходно-разговорным языком, уходят корнями в исторические условия развития чешского языка. Известно, что связанное с процессом возникновения чешской нации объединение чешских диалектов происходило долгое время в отрыве от развития литературного языка²⁰. В результате национального и социального гнета, наступившего после подавления чешского восстания в 1620 г., употребление чешского языка в полной мере сохранилось только в среде сельского населения; в городах же стал употребляться немецкий язык или же чешский, чрезвычайно насыщенный немецкими элементами. В период национального возрождения создание литературного языка осуществлялось поэтому не на основе живого разговорного языка того времени, а на основе языка развитой литературы XVI в., что было обусловлено и общественно-историческими условиями того времени.

Процесс объединения чешских диалектов начинается в глубоком прошлом; он заметно проявляется уже на протяжении XV и XVI вв. (по крайней мере в Чехии)²¹. Позже он был на некоторое время задержан укреплением феодализма, раздробленностью страны, преследованием чешской культуры, но не был остановлен полностью. Важно отметить, что в основном этот процесс проходил именно в тот период, когда развитие литературного языка было ослаблено и не могло осуществляться в полном контакте с развитием живого разговорного языка. В период взаимного влияния чешских диалектов при отсутствии полного контакта с литературным языком очень усилились позиции обиходно-разговорного языка, который все более начинает вытеснять диалекты на территории Чехии. В Моравии процесс концентрации диалектов проходил не так быстро и прямолинейно; там до сих пор местные наречия сохранились в гораздо большей степени. Этим объясняется известное преимущество обиходно-разговорного чешского языка над моравскими интердиалектами, обусловленное также и значительным численным перевесом носителей обиходно-разговорного чешского языка и другими обстоятельствами.

В Моравии до сих пор существуют диалектные области, где обиходно-разговорный чешский язык воспринимается как территориально ограниченный, хотя и здесь употребление литературного языка в обычном неофициальном разговоре производит впечатление аффектированно-

¹⁹ См. особенно: В. Havránek, *Nářečí česká*, стр. 87; Ф. Корешný, указ. соч., стр. 17—20; J. Bělič, *Vznik hovorové češtiny a její poměr...*, стр. 68—70.

²⁰ Здесь мы касаемся этих вопросов очень коротко. Подробнее см.: В. Havránek, *Vývoj spisovného jazyka českého*; А. Г. Широкова, *Из истории развития...*

²¹ См. В. Havránek, *K historické dialektologii*, стр. 154.

го²². В этих областях до сих пор не существует единой общенациональной языковой нормы, которая была бы употребительна в повседневном разговоре без специального стилистического оттенка. Напротив, на большей части чешской языковой территории, где в повседневном бытовом употреблении преобладает обиходно-разговорный язык, его территориальная ограниченность заметно не ощущается. Хотя и здесь имеются местные отклонения, но они не так заметны как прежние диалектные различия.

Чешский обиходно-разговорный язык многими фонетическими и иными чертами ближе к литературному языку, чем моравские говоры. В качестве разговорного языка главного экономического и культурного центра обиходно-разговорный чешский язык проникает и в моравские города²³. Все это значит, что обиходно-разговорный чешский язык не отмирает вместе с диалектами; напротив, он, развиваясь, постепенно становится общеразговорной формой национального языка.

Таким образом, для дальнейшего развития чешского языка в соотношении его различных компонентов существенным является прежде всего взаимоотношение между обиходно-разговорным и литературным языком, т. е. между обоими компонентами его ядра (в которое не входят исчезающие диалекты). С начала прошлого столетия значение чешского литературного языка постоянно возрастает, и его позиция все более укрепляется. Все большую действенность приобретает в наше время и его устная форма, которая получает распространение благодаря школе, радио, росту образования и различным культурным мероприятиям.

Различие между литературным и обиходно-разговорным языком все же сохраняется. Интересно, что основной момент этого различия заключается не в том, что литературный язык располагает большим богатством выразительных средств: само по себе это не могло бы оказать решающего влияния на оценку обеих норм. Обиходно-разговорный чешский язык отличается от литературного прежде всего особенностями своей фонетики и грамматики, затрудняющими освоение литературных норм. Под влиянием некоторых учителей и работников культурного фронта у части говорящих появляется вторичная оценка обиходно-разговорного чешского языка — они видят в нем какой-то «более низкий» язык с «неправильными» формами (хотя сами формы типа *velkejma* и т. д. могут выражать данную действительность так же хорошо, как и формы литературные) и считают необходимым употреблять формы литературного языка и в обычном разговоре, что в свою очередь производит впечатление педантизма.

Сомнению, литературный язык имеет в своем распоряжении значительно больше слов, необходимых в различных областях культурной жизни, чем обиходно-разговорный язык, не испытывающий потребности в таком множестве слов в силу ограниченности сферы своего применения. С этим связано также наличие в литературном языке большего богатства различных тонко дифференцированных синтаксических конструкций. Однако различие между литературным и обиходно-разговорным чешским языком в этой области не столь резко, как в области фонетики и морфологии. Обиходно-разговорный язык повседневно заимствует из литературного языка те средства выражения (особенно лексику), в которых он нуждается.

В зависимости от потребности богатством выразительных средств литературного языка можно располагать относительно свободно как в сочетании с формами литературного языка, так и в сочетании с формами обиходно-разговорными. Некоторые примеры совмещения в речевом употреблении собственно литературных слов и особенностей обиходно-раз-

²² См., например, J. Bělič, *Sedm kapitol...*, стр. 97.

²³ См., например, J. Bělič, *Sedm kapitol...*, стр. 91 и сл.

говорного языка уже были приведены выше. Присоединяем к этому еще следующие: *Proč by nemohli do toho být zasvěcení už v době zrodu takovéjdulech reforem.— Máme vypsaný konkursy a dokonce vobzazený konkursy lidma.— Já to... považuju za nesprávný; nevím, podle jakých měřítek se k tomu dospělo.*

Фонетические и морфологические различия между обиходно-разговорной и литературной нормой в чешском языке представлены значительно ярче, чем в других славянских и неславянских языках, где литературная норма стабилизировалась позже на основе разговорного языка²⁴. Часто чешский язык в этом отношении сравнивают с языками со старой литературной нормой, устанавливавшейся на протяжении ряда столетий, главным образом с западноевропейскими языками. Но ни в английском, ни во французском языке устная норма литературного языка так прямо не связана с его письменным обликом (чему способствует традиционное правописание)²⁵.

Расхождение между литературным и обиходно-разговорным чешским языком, возникшее при особых исторических условиях развития чешского языка, следует признать явлением исключительным и нездоровым. Несмотря на все возрастающее значение устного литературного языка, не приходится ожидать, что в своем дальнейшем развитии обиходно-разговорный чешский язык в полном объеме уступит свое место литературному языку²⁶. Различие между обеими нормами не может быть сглажено односторонним подчинением живой разговорной речи народа искусственно (хотя не без основания) восстановленной норме, которая содержит формы, в живой речи давно умершие, а также формы, которые возникли на основе особенностей письменной нормы, а в живой речи (кроме некоторых окраинных наречий) вообще не существовали²⁷.

Если принять во внимание все указанные обстоятельства, а также то, какое значение имеет для каждой литературной нормы контакт с общеразговорной речью²⁸, то следует признать, что одним из необходимых средств для ликвидации нездорового разрыва между обеими нормами является демократизация литературного чешского языка²⁹. В связи с очень малой изученностью обиходно-разговорного чешского языка в настоящее время было бы неуместно дискутировать о том, какие отдельные элементы обиходно-разговорной нормы сохраняются и получают распространение, какие, напротив, будут уступать, а со временем, может быть, и исчезнут. Однако в связи с вопросом о демократизации чешского литературного языка следует отметить, что в этом от-

²⁴ Как показывают русские исследователи (например, П. С. Кузнецов, В. Г. Орлова, С. И. Ожегов), литературная норма русского языка в фонетике и в морфологии по существу не отличается от общеразговорной речи Москвы.

²⁵ В области демократизации французского литературного (письменного) языка особого внимания заслуживают усилия М. Козна (см. М. Cohen, Grammaire et style. 1450 — 1950, Paris, 1954).

²⁶ См. В. Наврánek, K historické dialektologii, стр. 159; подобные же взгляды высказываются М. Веем (указ. соч., стр. 125 — 128).

²⁷ Например, произношение письменного *ý* как *i* (ср.: В. Наврánek, Vývoj spisovného jazyka českého, стр. 123; его же, Influence de la fonction de la langue littéraire, TCLP, 1, 1929, стр. 110—113). Речь идет не о восстановлении старого произношения гласного *ý*, а лишь об обновлении корреляции кратких и долгих гласных.

²⁸ Ср., например, Е. Sapir, Language, N. Y., 1921, стр. 166 и сл.; А. С. Чикобава пишет, что «именно речь трудовых масс и составляет основу общенародного языка» («Введение...», I, стр. 72) и что «жизненные интересы литературного языка требуют, чтобы он не отрывался от родной основы, от неисчерпаемых источников устной речи» (там же, стр. 119).

²⁹ О демократизации литературного языка см. В. Наврánek, Vývoj spisovného jazyka českého, стр. 132. Материал о проникновении черт общеразговорного чешского языка в литературную норму и краткий обзор взглядов на этот вопрос см. в указанной работе М. Вея (стр. 175 и сл.).

ношении довольно мало внимания уделяется морфологии³⁰, хотя именно здесь (и в некоторых областях синтаксиса, например в области управления, где речь идет не о богатстве синтаксических средств, а скорее о вопросах «синтаксической формы») имеются, по-видимому, некоторые элементы, уже готовые для признания их в качестве литературных. Речь идет прежде всего о таких формах, которые часто употребляются в устной литературной речи и признание которых не означало бы ни обеднения языка, ни слишком существенных изменений в его кодификации. В этом отношении могли бы быть приняты во внимание, между прочим, инфинитивы типа *mocí, říci*; вин. падеж ед. числа местоимения *ho* для ср. рода; вероятно, также согласование форм среднего рода во мн. числе типа *ty okna byly*; далее, конструкции типа *užít koho co, používat co*³¹. Соответствующие конструкции и формы, требуемые современной кодификацией, являются более или менее книжными и наверняка исчезли бы довольно быстро (подобно тому, как исчезают в настоящее время формы *maži, čeži* и т. д.), даже если бы они были оставлены в качестве дублетов. Из фонетических явлений (поскольку об этом вообще можно говорить в таком коротком обзоре без необходимого предварительного исследования материала) здесь можно было бы назвать *i* на месте книжного *ě* в таких словах, как *mín* (имеются в виду такие пары, как *měně—mín*; ср. *lépe—líp*, где обе формы признаны литературными), т. е. в определенном смысле речь идет скорее о вопросах лексических, чем фонетических, в связи с чем такое изменение кодификации не являлось бы слишком серьезным.

Бесспорно, что и менее значительные изменения в кодификации натолкнулись бы на определенное сопротивление некоторых учителей и части общественности. Этому не следует удивляться. Часто и лингвисты формы обиходно-разговорного чешского языка называют вульгарными, хотя вообще не ясно, в каком значении употребляется ими это слово. Общественность до сих пор не ознакомилась в широком масштабе с тезисом, который в свое время выдвинул в богемистике акад. Б. Гавранек, показавший, что языковая норма существует и развивается как что-то объективное, независимо от того, кодифицирована она или нет. Таким образом, свою норму имеют и нелитературные языковые образования. Норму литературного языка могут характеризовать и такие элементы, которые не признаны кодификацией³². Учитывая, что сама норма каждого живого языка развивается, время от времени должна изменяться и ее кодификация. Ведь языковая культура должна развиваться в зависимости от реального развития языковых норм*.

Перевела с чешского А. Г. Широкова

³⁰ Определенные изменения в кодификации грамматической нормы в последнее время нашли свое отражение в школьном издании правил чешского правописания (Praha, 1958). Изменения главным образом касаются колебания между различными типами слов (например, между типом *kost* и *píseň, беру и dělám* и т. д.); см. изложение этого вопроса у А. Едлички и В. Шмиллауера (A. Jedlička a V. Šmilauer, Tvarosloví v školních pravidlech českého pravopisu, «Naše řeč», ročn. 41, číslo 5—6, 7—8, 1958, стр. 138—149 и 177—190).

³¹ О проникновении таких конструкций в литературный язык см. В. Наврәнек, А. Jedlička, Stručná mluvnice česká, 7-e vyd., Praha, 1958, стр. 160 и сл.

³² См. статью Б. Гавранка «Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura», стр. 33 и сл. (ср. и статью В. Матезиуса «O požadavku stability ve spisovném jazyce» в том же сб. «Spisovná čeština», стр. 26); ср. С. И. Ожегов, Очередные вопросы культуры речи, сб. «Вопросы культуры речи», I, М., 1955, стр. 14 и сл. Мы используем здесь термин Б. Гавранка «кодификация» (хотя он и не во всем удачен), так как под «нормализацией» часто подразумевается образование нормы.

* Настоящая статья возникла в связи с рядом вопросов, выдвинутых доц. А. Г. Широковой, также изучающей проблему соотношения литературной и обиходно-разговорной нормы чешского языка (статья А. Г. Широковой, посвященная этой теме, будет опубликована в № 3 журнала «Филологические науки» за 1960 г.). Хотелось бы, чтобы мысли и положения А. Г. Широковой послужили толчком для начала дискуссии по поставленным вопросам.